

Андрей
Рассторцев

БАГРЕНИЕ

Поэма

*Уж ты батюшка, сизой орёл,
да где же ты летал?...*

Не так уж давно это было – ровно за век до моего рождения. Иные старожилы тогда ещё помнили времена Пугачёвского бунта. А после первой обороны Севастополя прошло всего девять лет.

4 декабря 1864 года из крепости Туркестан вышла сотня всё ещё опального Уральского казачьего войска под командой Василия Серова. Отправлялись на недолгую разведку. Оказалось – на верную гибель. В 17 верстах у селения Икан казаки наткнулись на многотысячную армию Кокандского ханства во главе с его правителем Алимкулом.

В почти трёхдневном противостоянии у русских погибли и позднее умерли от ран 69 человек, ещё один скончался в плену. Но кокандцы, только убитыми потеряв, по разным сведениям, от четырёх сотен до двух тысяч, ушли и больше на такие рейды не отваживались.

Невеликое вроде бы дело – бой местного значения, мгновение мировых перемен, благодаря которым Средняя Азия побывала частью России. Но, как любая из ярких историй, тем более военных, рассказ о нём помогает подумать и о современном человеке. По меньшей мере – о самом себе...

Автор

ПРОЛОГ

I

Про багры да режаки
ведут речи казаки:
– Багренье, багренье –
хоровоженье одно...

Все поехали к Самарской,
а нас чёрт понёс к Бухарской –
мол, с Бухарской стороны
ямы рыбою полны...

Приехали на ятовь –
на ятови одна кровь:

кто-то нас опередил
да на рыбку угодил.
Багренье, багренье –
одно хоровоженье...

А у дедушки Петра
мы поймали осетра.
Осетра на три ведра –
просидели до утра.

Казаку, что рысаку –
не уняться добеку:
одну лошадь пропиваем,
а другая начеку...

Кошма была – кошмы нет:
улетела на тот свет.
Пропил пешню, пропил сак,
а к жене вернулся так:
– Багренье, багренье –
лебёдушка, багренье...

II

Непонятки чуткому – не загадки,
а с нелюбопытного взятки гладки.
Распознать утраченные слова
за усмешкой лёгкою – дважды два.
Погляди на полке или погугли –
выйдет не тяжелее иной прогулки
по достопримечательностям, а тут
даже сноски ставить – напрасный труд.

Не одна имеется повестушка,
как декабрьским утром стреляла пушка,
и вперегонки, подобрав багры,
люди сыпались с береговой горы.
Разминали длани, желая дани,
и рубили первые иордани,
и – пошла безудержная гульба! –
запускали воздух под кожу льда...

Но увидеть мешкотная потуга,
как подводной лодкою прёт белуга –
на живые продухи, на рожон
и ломает древки пяти сажён
просто мановением, ненароком,
а потом кровавит упругим боком
острия железные и крюки,
наугад вонзённые вглубь реки.

Если даже пробовать новый номер –
насовать под лёд электронных камер,
выйдет номер этот совсем пустой:
ни людей уже, ни белуги той.
Много с той поры в омуты-ятови
утекло воды и нерыбьей крови,
а людей вобрали, как невода,
за года разбухшие города.

Не за труд коронному человеку
гору именем соединить и реку,
да от шара Маточкина пока
далеко до Гурьева-городка,

и найдёшь навряд ли сполна проворных
от оленных ненцев до мест икорных
через край заводов и крепостей
обойтись хотя бы без областей.

Отчего же мне посреди Урала
эта песня в голову так запала?
Устарела вроде бы, да успел –
сам её с друзьями однажды спел.
Не на льду речном и не на морозе,
а в тепле домашнем – да на серьёзе:
хоть сегодня мается человек,
занесёт, бывает, и в прежний век...

РАЗВЕДКА

I

До меня на свете ровно сто лет –
дедов нет ещё, и прадедов нет.
На планету девятнадцатый век
осыпается рождественский снег.
По линейным тишина крепостям –
все на всюнощную да по гостям.
Лишь дозоры, окликаясь: – Не спи! –
караулят, нет ли вора в степи...

А по крыше мира в дальний Кашгар
перевалами заснеженных гор
караван идёт косматых волов.
Во вьюках – полсотни русских голов.
Терпеливые – ни слова в пути,
и пока на холоду – во плоти,
лишь когда канавы или бугры –
бьются, точно костяные шары...

В том Кашгаре правит хан Валихан,
по снесённым головам – великан:
вон они – у глинобитной стены
пирамидою нагромождены.
Прибавление не величина,
да за русские – тройная цена:
вести добрые – владыка, ликуй! –
шлёт кокандский аталык Алимкул...

Увезённым по горам и долам,
им не присоединиться к телам,
а с иными отсечёнными с плеч
в пирамиду валиханову лечь.

Вот такие на Востоке дела.
А тела уже земля приняла,
и что дальше приключится, Бог весть –
прими, Господи, такими, как есть...

II

После перечитают
заново злые вести.
После пересчитают,
один на сто или двести.
А если без долгих фраз –
приказ.

Выехать на скаку
к ближнему кишлаку.
Встретив большую рать,
боя не принимать,
но если вдвойне-втройне –
всё-таки быть войне:
дать наглецам острастки,
выпроводить с почётом,
преподнести урок.
Для боевой оснастки
с полным к нему расчётом
придан единогог...

С пикой наперевес
тоже есть интерес,
да чем дорога глуше –
с артиллеристом лучше.
Но памятьливы цари –
спуску ни на толику:
запрещены Яику
собственные пушкари.
Сколько сошло бурьяна
с давнего мятежа,
а всё ещё свежа
память про Емельяна...

Рыбо- да звероловы,
сами, как Пугачи,
опытные готовы
к делу бородачи,
не ожидая выгод
от перемены мест:
ежели Бог не выдаст,
то и свинья не съест.

Да, отправляясь в поле
пёхом или верхом,
знать бы врага поболее,
нежели по верхам.

III

Опытный Серов-есаул
со сборами не тянул,
но только за парапет –
навстречу киргиз Ахмет:
всадники на дороге,
просит Икан подмоги,
не считал, каковы в числе –
не оглядывался в седле...
Шлёт Серов коменданту гонца,
а комендант гневается:
попусту не вступай,
приказано – выступай!

Поехали поскорей –
повстречали двоих почтарей
из тех, что везли в Чимкент
секретный пакет
генералу Черняеву:
в том пакете отныне секрета нет –
восемь жизней стала цена его.
Снова шлёт Серов казака
к благородиям,
а ему:

– На рысь!

Есаул, не трусь!

Ты при целой сотне с орудием...

А потом – в кресты полагай персты:
не дойдя четыре ли, три ль версты,
повстречали вражки аванпосты
и огни по холмам окрестным.
Благо есаул не из торопыг:
приглядел доро́гой сухой арык –
ямка вроде бы,

а когда привык,
всё целее под перекрёстным.

Отошли немного и залегли,
рьяных первыми выстрелами смели,
тени, кра́дущиеся в ночной дали,
до кровавых глаз карауля.

Обложили конные, отсекли,
но что неподатливы, усекли.
И отныне столько всего земли,
сколько перелетает пуля...

IV

Несходство между мной и азиатом
отыщут лишь патологоанатом
да землекоп неведомый, когда
под толщею культурного компоста
заденет край забытого погоста
и различит безмолвные года,
утекшие в бездонные глазницы,
и смутною догадкой соблазнится
про давние века и города,
и разуму, избегнувшему льда,
явится тьма несслыханных историй...
А впрочем, ненасытный крематорий
от интеллектуального труда
потомков избавляет без вреда.

Be positive, гляди на вещи просто –
переживёшь полсотни или дó ста:
какой ни набирается навар –
всё выветрится, если не товар.
Теперь и на профессорском серьёзе
стремление в поэзии и прозе
на глубину событий и времён
считается за пошлый *mauvais ton*.
Мол, это эпигонство и отстой,
как после Льва фамилия Толстой –
созвучие, подобие, халтура.
А в стороне от хоженных дорог
есть я и Бог – вернее, аз есмь бог.
Все остальные – сплошь литература...

И нынешними подлыми порами
есть подлинные меж профессорами:
когда тобою не пренебрегут –
хоть имя ненадолго сберегут.
А не найдутся – время утеряло
лишь крапинку того материала,
что без оглядки на расходный вес
вливает в исторический замес.
Когда тысячелетними путями
империи пихаются локтями,

повёрнутый спиной или скулой,
малой – не стой без каски под стрелой:
и крепок человеческий черепок,
а для эпохи – только черепок.

V

Вековечна кочевая забава:
пил Куря из головы Святослава,
головами покорённых племён
пирамиды городил Тамерлан...

Коль профессорские помнить каноны,
все последующие – эпигоны,
подражатели – и несть им числа,
продолжатели – но как ремесла
home-video для телеэкранов:
это запросто – как резать баранов,
в том числе смотрящих из-за стекла,
как сочится клюква или свекла́.

Вот бы казни поделить на сезоны,
да поярче овцам комбинезоны,
да помедленнее, точно игра –
ставлю голову: пройдёт на «ура»...

Здесь картинка больше чем половина.
А на памяти иная картина –
Верещагина, да не из кино:
в Третьяковке погляди полотно,
истуканом не сиди за стаканом...

Но встаёт уже рассвет над Иканом
снова стряпать посреди целины
колобки в худую торбу войны.

ОСАДА

I

Хорошая нынче
в киргизской степи зима,
да худо одетому можно сойти с ума.
Пойдя к Алимкулу
в заступники правой веры,
небось, поморозили крепко его нукеры
в халатах дырявых жилистые тела...
Войною они поправят свои дела:
за снятое с убиенных неплохо платят,
а в самой цене – казацкая голова.

Вернётся домой к жене
 в наградном халате –
 мол, головы эти,
 как с жёлтых чинар листва...

Ты хоть за одним листком
 подойди сперва,
 привычный набегам
 русского взять полону, –
 увидим: кому жена, а кому вдова.

И даже когда воротиться тебе судьба,
 пройдя оборону и не понеся урону, –
 на этой поляне тебе не найти раба.

И мы согреваемся, пальцами шевеля,
 ещё не телами
 случайный устлав привалок –
 из нас понемногу

 через сукно и войлок
 живое тепло высасывает земля.
 Кто нынче не скатится
 в очередной курган,
 изрядно на кулаки наматает сопель...
 Богато на нас народу наслал Коканд –
 никак не менее
 нескольких тысяч сабель...

И вправду не Крым.

 И пустыня – не Севастополь,
 да сизый орёл – не береговой баклан.
 Там если атака, тогда выходи в штыки,
 Европу за позднюю благодаря науку.
 А тут не ружьё – винтовка:

 с живой руки
 бьёт на полверсты –
 куда твоему мультуку.
 Смотри, сторожатся
 и лишь иногда плюют
 свинцом наудачу:
 мол, поберегись – ударю!

Но те же французы с британцами
 пушки льют
 на лад европейский
 кокандскому государю –
 они-то ядром достанут издалека.
 Глади: притащили – выкатывают пока.

Теперь будет строго –
 пойдёт покати-дорога:
 работа для медного зверя-единорога –
 уж он отогреет бока в снеговой росе.
 Работа простая:

 шары запускай по лугу,
 жерла забивай-конопать,
 выбивай прислугу –
 иначе с конями вместе поляжем все.

II

Летели снежочки до стылой земли...
 Лихо нам, дружочки, родины вдали.
 Не истаяла тоска во золотом бору –
 намела в очи песка по белому ковру.
 Всюду вроде бы земля – а не наравне.
 Будем привыкать мы
 к азиатской стороне.

Казачи-казаченьки, не бойтесь ничего.
 Есть у нас, казаченьки, крупа да мука.
 Кашицы наварим, хлеба напечём,
 сложимся по денежке –
 пошлём за винцом.

Выпьем мы по рюмочке, позавтракаем.
 Выпьем по другой –
 поразговариваем.

Выпьем мы по третьей –
 отца-матерь вспомнём.
 Выпьем по четвёртой –
 с горя песню запоём.

Мы поём, поём про казачье житьё.
 Казачье житьё, право, лучше всего.
 Дом у казака – чёрна бурочка,
 жена молодая – винтовочка.
 Отпусти, полковник,
 на винтовку поглядеть,
 чтоб моя винтовка чисто смазана была,
 вдарят по тревоге –
 чтоб заряжена была.

Верный мой товарищ –
 копь горячий вороной.
 Служба наша служба –
 чужедалья сторона.
 Буйная головушка, казацкая судьба...

Дай нам Бог, ребятушки,
пожить и послужить,
на родной сторонушке
головушку сложить.

III

Когда обиход суетлив и тесен,
то вправду, наверное, не до песен.
А если по кругу – степь,
чего бы и впрямь не спеть?
Но есть и другое дело
у тёплых пока людей:
безжалостно и умело
достреливать лошадей.

Ращёного с жеребёнка,
вскормлённого от земли,
как собственного ребёнка,
попробуй-ка пристрели.
Да нечеловечья мука,
сводящая холодом, –
убийственная наука
о добром и о худом.

Товарища, тушей ставшего,
надёжного до конца,
клади, ещё не остывшего,
защитою от свинца.
Щекою к песку да к небушку,
какое над нами есть –
поближе к овсу да хлебушку,
какого теперь не есть...

Недолгою жизнью мечены
за хозяевá своя
сородичи наши меньшие,
подсобные братовья.
Но люди, что к ним приравнены
в пристрелянной полосе,
не все ещё переранены,
и живы покуда все.

IV

Напрочь окружены,
к месту пригвождены –
полная безнадёга...
Что ж не идёт подмога?

Снова персты у лба:
братцы, вдали пальба –
атаковать навстречу!
Но есаул угрюм:
нечего наобум
лезть головою в сечу.

Здесь, почитай, редут –
сразу не изведут.
Коли до нас дойдут,
помощью не обидим.

Слышно железный гром,
да за степным бугром –
хóром да из хорóм
выйдем, когда увидим.

Стихла пальба вдали –
малости не дошли.
Эх, не перемогли...
Шлёт Алимкул посланца:
– Русская голова,
если ещё жива,
слушай мои слова,
чтоб на плечах остаться.

Веру перемени –
на остальные дни
станешь у стремени,
братом к себе приближу.
Истинно говорю:
так отблагодарю –
каждого одарю,
всякого не обижу...

V

После писарю скажут –
мол, тех обойди, не трогай.
После того отмажут,
кто не дошёл с подмогой.
А если без долгих фраз –
приказ.

Подпоручику имярек
взять сто семьдесят человек,
два орудия и – под горочку,
торопясь казакам на вырубку.

Но если большая рать,
 боя не принимать –
 даже в конце пути
 немедленно отойти:
 малочисленный гарнизон
 расходовать не резон...

Шли обратно с тяжёлым ропотом,
 а другой подпоручик шёпотом
 крыл по матери: вот прохвост –
 оставалась-то пара вёрст.
 Но исполнил – нельзя сохранить:
 всё убытку, что лошадь ранена,
 да и та уже ест овёс.

От Андрея и до Иакова
 солнце вроде бы греет всякого,
 да, однако, не одинаковые
 обветриваются места.
 Вроде всё по уставу строится,
 да бумагой один прикроется,
 а другому не успокоиться,
 лишь бы совесть была чиста...

После всех назовут по имени.
 Остаётся всё меньше времени.
 Осязание, зрение ли примени –
 неминуемо помирать.
 На арбы правоверные не спеша
 натаскали соломы да камыша,
 наплели щитов – трепещи, душа:
 завтра приступом станут брать.

Наступает, видно, конец концов –
 значит, самое время послать гонцов:
 сыновьям доложатся про отцов,
 а полковнику – как легла
 сотня не опрометчивых молодцов,
 а бывалых выученных бойцов,
 хоть какой кровавее из рубцов,
 смертная разберёт ли мгла?

Хорошо, от ядер, летящих сквозь,
 хоть немного коней, да убереглось...

Словно канули трое в глухой ночи.
 Порох не подмочи.

ПРОРЫВ

I

Почитают Всевышнего
 с верой безмерною
 все кругом –

православные и правоверные
 кряду неимоверные тысячи лет.
 Жить безбедно и сыто,
 как люди заглавные,
 все хотят –

правоверные и православные,
 но в любом измерении равенства нет.
 Иисус одесную или Магомет –
 не отыщется в небе особых примет,
 а в неистовой тяжбе сплетаются заново
 ветви корня адамова, плода адамова –
 и антонов огонь выползает на свет.

Как земля световую волною омоется,
 тварь любая

по-своему

Господу молится,
 да не всякая в утреннюю синеву.
 И приходит минута, когда это значимо,
 и нутро обнажается, если залачено –
 ничего не заначено, всё наяву
 через кожу, листву и траву-мураву.
 Ибо либо лежать безголовым во рву,
 либо согнуть во мраке

и вони зиндана...

А граница – на шее по нитке гайтана:
 снять – и мысленно

перекреститься:

«Живу!»

Чисто по-человечески можно понять –
 внять и не обвинять,

а при встрече обнять:
 лучше на людях, мол,
 головы не поднимать,
 чем с кровавой земли

вообще не поднимать –
 не приставить обратно,
 назад не пришить.

Лучше жить: как угодно,
 но главное – жить...

Может быть, и привыкнут
не переживать
и остылые головы вновь пришивать –
для начала безумцам,
потом подлецам...

Навсегда девятнадцатилетний пацан,
обезглавленный возле Бамута,
отрекаться не стал почему-то.
Опоясанный краткой дорогой земной,
он весною родился

и умер весной –
в день рождения и Вознесенья,
ожидая иного спасенья.
И на имя Евгений сегодня во мне
отзывается первым убитый в Чечне
экономно, без траты патронов
рядовой погранец Родионов.

Всё навряд ли возможно
решить наперёд –
у любого своя нескладуха.
Каждый сам выбирает,
когда подопрёт,
между целостью тела и духа.
Да секунда для выбора невелика,
если чувствуешь лезвие у кадыка:
что излечит, а что изувечит –
не сыграешь на чёт или нечет.

II

Спозаранок зашевелился
воинственный басурман –
неумдрёными кознями
вновь занялся своими...
Вышел в поле Серов,
навстречу ему Осман –
тоже вроде бы русский,
да переиначил имя.
Тоже был головастый
да бойкий, слышать, казак:
в образцовом полку урядник –
да с тягой к чужим порогам.
Бог весть, что там по жизни
пошло наперекосяк,
если через солдатский строй
двоекратно прогнан.

А когда до чужих порогов
подать рукой,
Бог-то весть, конечно, –
только уже другой.

Наша Родина та ещё –
с кровью не отстаёт.
Наша Родина тающа –
до охлаждающей дрожи.
И когда быть русский
русским перестает?
Что теряет напрочь
с малым кусочком кожи?
Можно вслух Отечества
не поминать всерьёз,
не трепать языками
в буднем перемолоте,
но когда ты каждую клеткой
к нему прирос,
даже в крайнем случае –
дело не в крайней плоти.

Каждый день
из небесной шеи течёт заря
по отточенному лезвию горизонта,
да не каждый, придя домой
с мирового фронта,
нахлебавшись по горло,
зарезать хотел царя...

Ах, вопросы русские, –
вас не перетолочь.

Ни один ответ
вашей болести не излечит.
– Всё гораздо проще, папа, –
сказала дочь, –
мне живётся лучше там,
где живётся легче...
Все мы – люди, каждому Бог судья,
но иные вечно спрашивают:
– Который?

На суде последнем живая душа твоя
поклонится Кораном,
Библией или Торой?..

И все дети как дети –
покинут отца и мать,
получить желая
пайку небесной манны.

А вот Родина-мать –
 это если и жизнь отдать,
 безо всяких наград
 и почестей, безымянно...

Подобает высокой теме высокий слог:
 сочинял бы драмы или писал либретто,
 здесь такой трагический
 просится диалог –
 прямо для театра оперы и балета.

Но законодатель живого стиха суров:
 чуть раздухарисься,
 пихнёт под ребро –
 короче...

Ни о чём особенном не говорил Серов,
 просто время тянул
 на исходе последней ночи.

И вполне различая
 нехитрый его обман,
 но ещё не готовый
 ватагу бросать в атаку,
 ни о чём особенном не говорил Осман,
 понимая чётко: эти назад – ни шагу.

Посреди сошлись,
 перекинулись парой фраз –
 рта ещё вражда кровавая не замкнула.
 В неусыпный лагерь
 записку понёс сарбаз –
 на вчерашнее, мол, ответ
 правителю Алимкулу.

Можно было хлебнуть из фляги
 и покурить,
 да не позволяет своя и чужая вера.

Скажешь ветру слово –
 ответа не жди от ветра.
 Два живых человека –
 а не о чем говорить.

И кокандцы,
 не тратя времени на словеса,
 повели на приступ
 медлительные телеги...

Хоть прибыток жизни
 вроде бы невеликий,
 да ещё у смерти выкроил два часа.

III

Былые утраты в ладонях земных весов
 что сравнивать?

Все по великому счету квиты...
 Четырежды приступали за пять часов –
 четырежды были

с уроном большим отбиты
 Хитёр азиат на выдумки, ан шалишь –
 толпою отсюда не выбьешь
 и до июля...

Пронзая обмазанный глиной
 сухой камыш,
 убойную силу растрчивает пуля,
 да если умом и норовом не овца –
 сумеешь зазря не расхोждать
 и заряда...

Гляди, что творит наводчик –
 ай, молодца!
 Какую уже гранату кладёт как надо...

Но, глядя поверх говорящих ещё голов,
 просвета ища из отчаянного расклада,
 от северной стороны ожидал Серов
 сигнала надежды,
 спасительного раската.

– Не выручат.
 Сели в неспешности тыловой,
 врага со стены высматривая
 до зевоты...

Их можно понять холодной головой –
 там русского люду
 на две с половиной роты.

Да разве её удержишь на холоду,
 дрожа лихорадкою от боевой горячки?
 Один за другим казаки

на подталом льду
 смолкают навек,
 коченея в смертельной спячке...

Они подошли на выстрел. Того гляди,
 на пятой атаке
 дорвутся до рукопашной...

Другой босиком пройдёт
 разогретой пашней
 в рубахе домашней,
 распахнутой на груди.

Другому
 по новой весне
 процветут сады,
 другого развеселят заревые птицы,
 и девичье сердце
 сильнее заставит биться
 другой
 над размахом живой снеговой воды.
 А мне прободает сердце кусок свинца –
 он в тело вопьётся,
 горячая кровь польётся...

Но ничего иного не остаётся,
 как жить до конца
 и прицеливаться до конца.

IV

Многим
 вошедшим в памятные столбцы
 нечем носить мученические венцы,
 но до поры, покуда не мертвецы,
 незачем лишку
 в дырявую класть котомку...

Затемно
 до крепостных ворот
 добрались гонцы –
 а толку?

Замочную скважиною,
 игольным ушкóм
 верхом на цыпочках
 или пешком – тишком
 перетекли тенями кокандский стан.
 Выслушай, Туркестан!

– Господин полковник,
 высылайте подмогу.
 Что ж не дошли вчера?
 Врага бесчисленно – слава Богу,
 если продержатся до утра!..

А комендант в ответ:
 – Братцы, никакой возможности нет.
 Сам бы шашку достал из ножен,
 да город обложен:
 ежели припечёт –
 каждый наперечёт...

Вздрюченный гарнизон
 вглядывался в горизонт,
 а многозвёздный зонт
 чист был, как при Адаме.
 Все пережгли дотла
 дымные факела,
 покуда заря взошла
 над вымершими садами
 и доложил разъезд –
 нет никого окрест.

Только тогда – приказ
 без посторонних фраз:
 дойти и соединиться
 на этот раз...

V

Тем дорога жена,
 что навсегда верна.
 А верная до последнего
 гибель кому нужна?..

В штабной писарской отчётности
 и летописи побед
 за Веру, Царя и Отечество
 погибшим упрёка нет.
 Но лучше перед державою
 с Георгиевским крестом,
 чем без головы со славою
 на кладбище под кустом.
 И даже среди нелишнего
 божественным чудесам
 надеешься на Всевышнего –
 промахиваешься сам.

Покачивалась баталия
 на лезвии палаша –
 оканчивалась история,
 развилки не положа.
 Со снега кроваво-алого –
 немного ещё пальбы –
 останется только головы
 поскладывать на арбы.
 Да незачем, кто не мёртвые,
 до времени на погост...
 И выпрямились промёрзлые.
 И двинулись в полный рост.

VI

На расправу люд неизменно лют,
да не до бесконечного...
Человек не лошадь и не верблюд –
и доказывать нечего.
Те уже застыли до снежной тли,
стали каменными почти,
а попробуй раненого пристрели,
что не в силах с тобой идти.
Отнести в овраг, отвести во мрак
Богородица не даёт...
Вот когда на помощь приходит враг:
он без жалости – он добьёт.

Он его исправно отправит в ночь
прямоком – не обвиняком...
Но и ты сумеешь врагу помочь
острым лезвием и штыком.
Голова за голову, смерть за смерть –
на щите или со щитом.
Для начала сам не уйди во твердь,
а крестами звени потом.

Для начала просто попробуй жить
посреди мировой игры
и служить – и голову не сложить
на земле, чужой до поры.

VII

Двигались – не бежали:
раненые держали,
да перезаряжали,
били, да не челом –
головы простужали
лезущим напролом.

Лавой с лица земли
конною бы смели,
да, видимо, командиров
изрядно перевели.

А вот Осман не отстал:
стрелков на коней –
и вперед на высоты.
Обошли и с колена – пли!..
Самые преданные супостаты
эти предатели...

Да и здесь у кормила
было ему немило –
после ушёл к эмиру,
командовал при дворе.
Родная не доказнила,
а новая подкузьмила –
прирезали в Бухаре...

В огнеубойном спорте
заговорённых нет...
За редкой колонной по три
тянулся кровавый след.
На-ка, перевяжись –
замертво не ложись...
Медленно в обагрённый
снег утекает жизнь.
Главное – не устать,
от своих не отстать.
Не перестать... Не спать...
Встать...

VIII

Ты обезноженного меня,
теряя время, не обнимай –
подсумки лучше сними с ремня,
винтовку лучше переломай.

Что не по-божески – без обид:
иначе с завтрашнего утра
из той винтовки по нашим бить
начнут османовы снайпера...

Навоевавшие до дыр
не каменеют в жестокий час,
но понимают: война и мир
не прерываются после нас.

IX

Когда долетели до чёрного неба
снежинки звёзд,
серовские одолели
без малого восемь вёрст.
Израненные слабели,
растянутый строй редел...

Пока тебя не убили
и плотью не отвердел,

